

Борис Фабрикант – поэт со своей, сложившейся манерой письма. Часто его стихи – это сочетание прямой публицистической стихотворной речи со сложной метафорикой, отражающей его острое образное восприятие времени. Его стихотворения выстраиваются в книги стихов, подборки отдельных публикаций – в циклы. В целом это позволяет автору создавать объёмную картину жизни.

Д. Ч.

* * *

Город – улица, парки, кафе и метро,
сквозь толпу пробираются дни в турникет,
в переходе стоят автоматы ситро,
дни берут годовой пенсионный билет.

Шаг по плиткам – и танго, и шахматный блиц.
Нас прессуют в кирпич, транспортируют в створ.
Ты выходишь? Да, нет! Вот и весь разговор
в этом лагере перемещаемых лиц.

Ты выходишь? Вдвоём! День за утром вдогон.
И сложили ладони, как высохший зонт.
Эскалатор стекал, полз улиткой на склон
И на солнце унёс за крутой горизонт

* * *

А время не часы, а память, —
Любовь и жест, слова и лица, —
Мы никогда не знаем сами,
Где наша память отразится.

И увеличенные блики
Сегодняшних серийных фото,
Как письма счастья, многолики
И документы для учета,

И доказательства, что жили,
И марки праздничных конвертов...
Их тысячи погонных метров,
Где нас на цифры разложили.

Но кто, сидящий у дороги
Расчерченной колёсным следом,
В полученных перед обедом,
Конвертах разбирает слоги?

И расправляет на ладони,
И разделяет ложь и быль.
А день уже лежит на склоне,
И карточки спадают в пыль

* * *

Судьбе по рельсам путь от тупика до Бога.
Но ржавь не отодрать, и стрелки запекло,
Под общий наш вагон не стелется дорога,
Что было, не видать сквозь грязное стекло.

И график и тариф обведены нулями,
Глухая магистраль закрыта на засов,
Лёг лагерный отряд шпал сбитых костылями,
Где стрелки на путях отстали от часов.

Ободранный состав, как вечный призрак, точен.
В двенадцать даст гудок, пугая всех окрест.
Качаясь и скрипя, несёт расстрельной ночью
Прочь будущее бывшее из этих мест.

На станции конца у старого вокзала
Вперёд или назад гляжу до той черты,
Где рельсы, наконец, сливаются в начало,
Поля и города, туннели и мосты.

Там паровоз летит, не зная остановки,
И только стук колёс вращается вдали,
Где пуля из ствола игрушечной винтовки
Навылет разнесла полглобуса Земли.

Там прошлое везут без права передачи.
Гудок и чёрный дым с осколками угля,
И мы поём с отцом, и проводница плачет:
«Едем мы друзья в дальние края».

Там общие места и ларь под нижней полкой,
И рыскает волчок-утащит за бочок,
Там спитса вечным сном и зайчику и волку,
Запрет не разглашать, он и во сне молчок.

Омытый помидор, лучок, яйцо вкрутую
И постук по столу, оранжевый желток,
Чекушка на двоих, и проводник пустую
Заменит за трояк и сделает глоток.

Ты прошлое своё расскажешь приключенье,
И будущим своим поделится сосед,
И каждому билет – его предназначенье,
Всё в прошлое уйдёт, где будущего нет.

Побудка в пять. Плацкарт. Горячий подстаканник.
Пора сдавать бельё. Бьёт ржавый стык. В окне
Пустой буфет, титан, течёт разбитый краник.
И проводник билет протягивает мне

ЛЬВОВ

Там идёт от трампарка за парком, где пруд,
до Высокого Замка¹ трамвайный маршрут,
под вагончиком струями рельсы блестят,
над брусчаткой кривой небеса моросят,

¹ Замковая гора над Львовом (прим. автора).

там подземною ночью стекает река
и несёт наизусть на себе облака.
Я по памяти шёл по старинным местам,
по ушедшим часам и опавшим листам,
стопкой сложены годы, пылились, сплелись,
все закаты-восходы тихонько сбылись,
и орлы улетели, и решки с монет.
Длинной тенью за памятью тянется след –
жизнь срывается в слёзы, не знает слова,
всё смешала и прошлое помнит едва,
роль не сможет исполнить свою наизусть,
Ну и пусть!

* * *

Земля ступала как-то неуклюже,
Как по горе, меняющей наклон.
Летели брызги в нас со всех сторон –
Она топтала радостные лужи,

Которые на грани зимней стужи
Не высыхали и не уходили.
Мутило нас. За курсом не следили,
И мёртвой тишиной несло снаружи.

Она брела в привычном окруженьи,
Её движенье было непарадно,
Но кто-то смял орбиту так изрядно,
Что помешал возможности вращений.

Земля плыла, как бакен над провалом,
С приплёском справа, шаг такой – увечный,
И нам шептала: «Всё пройдёт... бывало,
а небеса в алмазах будут вечно!».

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Пришла дурацкая тоска,
больная, тусклая, распутная,
сидит в душе с глазами мутными,
не поднимается рука,

ну, чтоб пырнуть железом жертвенным
под этим синим небом мертвенным.
Так в рыбной лавке серый фартук
кулак чешуйный оботрёт
и распечатает, как карты,
трески проваленный живот.
Всего две рыбы? Ветер свищет,
места знакомые не ищет
и убирается, трубя.
Все жертвой чувствуют себя.
Сгребая потроха руками,
как в механизмах часовых,
мы разбираемся с грехами
под стоны песен хоровых.
Растёт цветок горелки газовой,
и я тарелкой одноразовой
всю кровь ненужную солью,
сливая с почвою струю.
Сгружу грехи в горящий жертвенник,
несут музыку за спиной,
и то ли страшно, то ли ветрено,
но всё не сбудется со мной.
Двора стихает ужас скотного,
гремят кимвалы блеска потного,
тамбурмажор счастлив в манёвры,
вся мокрая насквозь туляя.
Ушла тоска, поджавши нервы,
и дамы бросили манеры,
как вожжи в близости жилья

* * *

Приехало прошлое с тёмным налётом от гари
И запахом сена подстилки в тройном коне.
И с воем сирены, как-будто наряд на пожаре
Секретно пехоту везёт погибать на войне.

И громко звучит, как звонок на большой перемене,
Наивный балет с лебедями про чёрную месть.
Ах, музыка эта – к предательству и перемене.
Что было, что будет и как разобратся, что есть?

И время раскатано шлангами блеклого цвета,
Они протекают, как мальчик по малой нужде,
И серые лебеди в форме уводят Одетту,
Она не одета, поскольку врасплох и в беде.

В пруду западня, и за длинным оврагом засада.
А в желтых кустах то капкан, то силок и ружьё.
Крик: «Врёшь, не уйдёшь!», и зачем было прошлому надо,
Вот так обложить это прошлое счастье моё

REX

Как раз в окне посередине
висит картиной за стеклом
темнеющий, пока что синий,
пока полночи не стекло,

подбитый яркими гвоздями,
узорный длинный теплоход
горит жемчужными огнями
и отражается от вод.

Так в «Амаркорде» многотрубный
плывёт громадный пароход,
и в долгий выдох многогубный
переливается уход.

Толкнёт волну, на ней качнутся
все лодочки, от берегов
пришедшие, чтоб прикоснуться
к счастливой сказочке богов,

где все давно сидят на троне.
Но сказка ложь, да в ней намёк,
что он из той потусторонней
над морем подаёт гудок.

Он, оторвавшийся от края,
и так легко пришедший к нам,
как пригласительный из рая
с билетом льготным пополам.

И эти блеск и наваждение
потом растают на свету.
Так примеряют наслаждение
и уплывают в пустоту

ШЕКСПИР

Я в Мантую от герцогова гнева.
Звенят колокола – летят цветы,
завёрнутые в голубое небо,
где ощущение долгой пустоты

на месте звука. Хлебы, вина, рыбы
в площадных ресторанах меж церковей
всех страждущих здесь накормить могли бы,
когда б не становился хлеб черствей.

Стекает жизнь по шлюзам узких улиц,
рисуя русло с нового лекала,
меж витражами и стеклом бокала
прошли века, но мы не обернулись.

Мосты – браслет домашнего ареста
не позволяют отойти заречью,
обозначая той весёлой речью
знак времени и гения, и места.

Здесь всякий город, новый друг Гораций,
свой итальянский сохраняет норы –
вместилище для древних декораций
и место проживания актёров.

За грубой кладкой спрятаны подмости,
ты проследи за жестами, дай цену
той паре, что, дойдя до перекрёстка,
как оперный дуэт, взошла на сцену.

Вчера опять убита Дездемона,
как соучастник ночь ушла босая,
убил Отелло в спальне после шмона,
мертвеет небо, звёзды угасают,

А тротуаров мраморные плиты
скользят и тают, как весенний лёд,
все ставни городские так открыты,
как будто собираются в полёт.

Днём на обед театр закрывают,
кулисы убирают в тёмный сад.
И время понемногу вымывает
из-под камней кинжал, платок и яд